Мой пріѣздъ къ кн. А. С. Меншикову.

Сентябрь 1854 года.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины" изданія 1877 года напечатана IX-я глава Записокъ А. А. Панаева о князѣ Меншиковѣ. Въ ней упомянуто (томъ XVIII, стр. 710—711) о моемъ пріѣздѣ въ армію, къ князю, безъ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ подробностей, которыя считаю не лишнимъ сообщить, въ видахъ возстановленія истины, извлекая ихъ изъ моего дневника:

„19-го сентября 1854 года посѣтилъ меня флигель-адъютантъ Альбединскій, только что прибывшій изъ Крыма, чтобы, по порученію князя Меншикова, сообщить мнѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ особымъ письмомъ просилъ Государя Императора о командировкѣ меня въ Крымскую армію.

Въ это время совершилось уже вторженіе въ Крымъ союзниковъ; Алминское сраженіе было проиграно нами и Севастополь обложенъ непріятелемъ. Я состоялъ въ должности начальника штаба резервныхъ гвардейскихъ корпусовъ, назначавшихся для обороны Петербурга и его окрестностей и формировавшихся подъ начальствомъ меня любившаго и удостоивавшаго особеннымъ довѣріемъ генералъ-адъютанта А. Ѳ. Арбузова.

„Въ послѣдствіи Виллебрандтъ (въ то время адъютантъ князя Меншикова) говорилъ мнѣ, что онъ считаетъ себя виновникомъ вызова меня въ Крымъ, потому что въ разговорѣ съ княземъ Меншиковымъ онъ напомнилъ обо мнѣ; но очевидно, что даже искренняя похвала не могла породить въ князѣ той настойчивости желанія, съ которою онъ обратился къ Государю Императору о присылкѣ моей въ Крымъ".

Засимъ, А. Е. Поповъ излагаетъ, что въ бытность свою на Кавказѣ, въ 1843 году, онъ писалъ оттуда своему сослуживцу и однокашнику, Н. Ф. Козлянинову, письмо о Кавказской войнѣ вообще и о неудачной Аварской экспедиціи въ особенности. Изъ этого письма генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ приказалъ сдѣлать выписки къ дѣламъ, самое же подлинное письмо было доставлено Государю Императору и, по его желанію, послужило къ составленію особой записки, Высочайше одобренной и препровожденой въ Кавказскій комитетъ.

„По поводу изложеннаго мною, — продолжаетъ г. Поповъ,—нашъ оберъ-квартирмейстеръ С. И. Волковъ передалъ мнѣ, въ 1844 году,

просьбу князя Меншикова посѣтить его, прося и со своей стороны не отказать въ этомъ. Въ томъ-же, 1844 г., назначенный день и часъ я былъ у князя и провелъ съ нимъ часа три; разговоръ шелъ о Кавказѣ.......

Обращаюсь къ эпохѣ Крымской кампаніи, 1854 года.

„Отправленіе мое въ Крымъ еще не было готово, и 23-го сентября 1854 г., по моей должности, я находился въ Царскомъ Селѣ при распредѣленіи Государемъ Императоромъ рекрутъ. По окончаніи распредѣленія я былъ позванъ къ Государю Императору. Его величество сѣлъ уже въ коляску съ однимъ изъ августѣйшихъ особъ и, обратясь ко мнѣ, изволилъ выразить:

— „Я посылаю тебя въ Крымъ; когда прибудешь туда, передай мой поклонъ князю Меншикову, а онъ—чтобы передалъ войскамъ, всѣмъ и каждому—мое спасибо. Корнилову тоже передай поклонъ мой и скажи, что я увѣренъ, что онъ употребитъ все для спасенія Севастополя, а въ случаѣ неизбѣжности потери его, не оставитъ въ немъ камня на камнѣ, и изъ батарей Сѣверной стороны будетъ громить его остатки и бухту. Если увидишь Хомутова, и ему передай поклонъ мой“.

Послѣ минутной остановки, Государь продолжалъ: „Затѣмъ, желаю тебѣ благополучнаго пути и желаю, чтобы ты засталъ въ Крыму все благополучно; но если-бы и не такъ случилось, то я на тебя надѣюсь, ты мнѣ изъ чернаго — сдѣлаешь свѣтлый и радостный день“.

Я глубоко поклонился при этихъ словахъ Государя. Въ нихъ было слишкомъ много милости, и нравственная отвѣтственность, налагаемая ими,—была слишкомъ велика; по этому, для выясненія себѣ мысли Государя, я позволилъ себѣ обратиться къ его величеству съ вопросомъ:

— Преимущество вооруженія союзныхъ войскъ въ Крыму,—сказалъ я,—во многихъ случаяхъ можетъ ставить войска наши въ невыгодное положеніе, но правило великаго Суворова: пуля дура—штыкъ молодецъ,—съ прежнею вѣрностію можетъ прилагаться и нынѣ, и уничтожить выгоды вооруженія, но для этого необходимы неожиданныя и ночныя нападенія. Поэтому, что̀ прикажете доложить князю Меншикову, при возбужденіи вопроса о способѣ дѣйствій?

— „Я одобряю и смѣлыя дѣйствія, и—все, что ты найдешь нужнымъ сдѣлать. Счастливаго пути“,—отвѣчалъ Государь.

25-го сентября 1854 года я выѣхалъ изъ Петербурга.

1-го октября, около 10-ти часовъ вечера, я и свиты Его В — ва князь Радзивилъ прибыли въ штабъ квартиру арміи, на р. Бельбекѣ. Князь Меншиковъ немедленно принялъ насъ въ своей палаткѣ. Онъ высказалъ свое удовольствіе по случаю моего пріѣзда, а затѣмъ прибавилъ:

— „Теперь уже поздно и вы утомлены; пріютитесь въ одной изъ палатокъ штаба, а завтра мы поговоримъ о дѣлѣ“.

Передавъ князю относившіяся къ нему слова Государя Императора и привезенныя мною бумаги, я удалился; князь Радзивилъ остался съ нимъ нѣсколько долѣе.

На слѣдующій день, часовъ въ 7 утра, князь Меншиковъ вышелъ изъ своей палатки и, увидя меня, направился ко мнѣ.

— „Такъ какъ вы мнѣ не нужны,—сказалъ князь,—то я назначаю васъ къ князю П. Д. Горчакову“.

При этихъ словахъ къ намъ подошелъ и князь Горчаковъ; тогда князь Меншиковъ, обратясь къ нему, продолжалъ:

— „Вотъ вновь прибывшій къ намъ полковникъ Поповъ, котораго я назначаю къ вамъ“.

Я былъ взволнованъ и возмущенъ словами князя: „такъ какъ вы мнѣ не нужны“. Мое устраненіе отъ дѣлъ и все мое будущее ясно очертилось.

Въ это время войска, которыми командовалъ кн. П. Д. Горчаковъ, были расположены частію въ Севастополѣ, частію на позиціяхъ, для охраненія нашего операціоннаго пути; самъ же кн. Горчаковъ съ корпуснымъ штабомъ и однимъ пѣхотнымъ (Волынскимъ) полкомъ находился при штабъ-квартирѣ арміи. Поэтому, мое назначеніе къ нему не имѣло никакого смысла.

Тутъ же представившись князю Горчакову, я спросилъ, что̀ его сіятельству угодно будетъ возложить на меня?

— Вы будете состоять въ распоряженіи начальника штаба,—отвѣчалъ князь.

— Но начальникъ штаба вашего сіятельства,—сказалъ я,—моложе меня въ чинѣ, и ему неловко будетъ распоряжаться мною, такъ что я по неволѣ останусь внѣ всякаго дѣла.

Князь Меншиковъ, какъ бы желая прекратить завязавшійся разговоръ нашъ, торопливо произнесъ:

— „Впрочемъ, я еще не окончательно остановился на этомъ,—я подумаю“.

Но князь Горчаковъ, не обращая вниманія на послѣднія слова князя Меншикова, продолжалъ:

— Начальникъ моего штаба—флигель-адъютантъ; къ тому же, для пользы отечества, нечего разсматривать старшинство, и, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, многіе изъ старшихъ и заслуженныхъ генераловъ охотно подчиняются младшимъ.

— Конечно,—возразилъ я,—для пользы службы и старшіе подчиняются младшимъ,—по неспособности ихъ; я же высочайше коман-

дированъ сюда вслѣдствіе настоятельной просьбы о томъ самого главнокомандующаго.

Князь Горчаковъ удалился, видимо недовольный моимъ отвѣтомъ.

Тогда, обратясь къ князю Меншикову, я сказалъ ему: я ничего не имѣю противъ назначенія моего къ князю Горчакову, такъ же, какъ и противъ всякаго другаго, которое в. с—ти угодно будетъ дать мнѣ: я желаю только быть полезнымъ; но во всякомъ случаѣ, прежде всего, мнѣ необходимо познакомиться съ мѣстностію и расположеніемъ, какъ нашихъ, такъ, по возможности, и непріятельскихъ войскъ.

Быть можетъ, читающіе мои выписки найдутъ, что я былъ слишкомъ рѣзокъ въ разговорѣ съ княземъ Горчаковымъ, непослѣдователенъ въ словахъ, затѣмъ обращенныхъ къ князю Меншикову, и даже безтактенъ—вызываясь на осмотръ мѣстности безъ вызова къ тому со стороны князя. Согласенъ: я и не хочу убѣлять себя, прошу только принять во вниманіе то нравственное настроеніе, въ которомъ я находился послѣ словъ ко мнѣ: „такъ какъ вы мнѣ не нужны". Сжаться и выжидать я могъ, что я и сдѣлалъ; но сократиться и даже не выяснить себѣ нашего положенія я не имѣлъ права.

Князь Меншиковъ предложилъ мнѣ для рекогносцировки одну изъ своихъ лошадей и проводника, и повторилъ, что о моемъ назначеніи онъ подумаетъ.

Въ тотъ же день, часу во второмъ, я отправился на осмотръ мѣстности. Объѣздъ Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотъ былъ достаточенъ, чтобы дать общее понятіе о расположеніи силъ обѣихъ сторонъ. Характеристика мѣстности очертывалась рельефно. Съ одной стороны—союзники, занимая обширныя высоты Сапунъ-горы, находились въ трудно-доступной позиціи, широко опирались на море, и, по командованію мѣстности, такъ сказать, давили Севастополь со всѣхъ сторонъ; съ другой стороны—наше положеніе было не только не выгодно, но вполнѣ опасно. Севастополь, сжатый осаждающимъ съ сухаго пути, имѣлъ сообщеніе съ дѣйствующею арміею только водою, черезъ бухту, и въ случаѣ надобности не могъ своевременно ни быть подкрѣпленнымъ, ни подкрѣпить другихъ. Дѣйствующая армія должна была содержать сообщеніе съ Севастополемъ и охранять нашъ операціонный путь на Бакчисарай, для чего должна была занимать Инкерманскія и Мекензіевыя высоты, отдаленныя около 10-ти верстъ одна отъ другой и имѣвшія для сообщенія между ними только одну дорогу чрезъ густой лѣсъ, составлявшую собою лѣсное дефиле. Поэтому правое и лѣвое крыло нашей дѣйствующей арміи были тоже разъединены между собою.

3-го октября утромъ, я передалъ князю Меншикову о сдѣлан-

номъ мною осмотрѣ и, на вопросъ его, изложилъ мои заключенія по общему положенію силъ.

Князь высказалъ на это, что въ настоящее время его болѣе тревожитъ мысль, что непріятель, сдѣлавши съ 6-ю или 7-ю тысячами высадку у устьевъ Качи или Бельбека,— можетъ отрѣзать Севастополю послѣдній путь сообщеній.

Я отвѣчалъ, что не вижу въ подобномъ покушеніи особенной для насъ опасности, потому что такое предпріятіе не можетъ совершиться для насъ неожиданно. При совершеніи же высадки, мы можемъ самый десантъ поставить въ опасное положеніе, и, наконецъ, по совершеніи десанта, даже съ значительными силами, намъ удобно занять фланговую позицію по опушкѣ Мекензіева лѣса, выдвинувъ всю нашу кавалерію на открытыя высоты нашего праваго фланга, для дѣйствія на флангъ и тылъ непріятеля, при его движеніи. Въ такомъ положеніи, мы сохраняемъ вполнѣ наши сообщенія съ Бакчисараемъ и дѣлаемъ невозможнымъ покушеніе на наши укрѣпленія Сѣверной стороны.

Высказанное мною было видимо пріятно князю, хотя онъ не вымолвилъ ни слова. Тутъ же князь разрѣшилъ мнѣ съѣздить въ Севастополь, при чемъ прибавилъ:

— „Цѣль непріятеля овладѣть Севастополемъ, и я думаю назначить васъ туда“.

Послѣ обѣда, въ тотъ же день, я отправился въ Севастополь, сначала на почтовыхъ до укрѣпленія № 4, на Сѣверной сторонѣ (9 вер.), затѣмъ на лодкѣ черезъ бухту, и далѣе по городу пѣшкомъ.

4-го октября 1854 г., утромъ, увидѣвшись съ княземъ Меншиковымъ, я передалъ ему мое впечатлѣніе, что осадныя батареи близки къ окончанію, и поэтому, ежели онъ рѣшилъ назначить меня въ Севастополь, то не слѣдуетъ медлить, чтобы я могъ своевременно ознакомиться со средствами обороны. Князь выразилъ на это, что онъ еще окончательно не рѣшилъ моего назначенія, а что̀ до непріятельскихъ работъ, то онѣ далеко не готовы для начатія дѣйствій.

— Не знаю положенія работъ противъ Корабельной стороны,—отвѣчалъ я,—но судя по тому, что́ я видѣлъ, огонь можетъ быть открытъ и завтра.

— „Если вы такъ увѣрены, то я прикажу сегодня же приготовить предписаніе о вашемъ назначеніи“.

Неопредѣленность положенія моего при арміи, при неблагосклонной встрѣчѣ меня главнокомандующимъ, сковывала меня во всемъ.

Я не зналъ въ точности ни состава, ни расположенія нашихъ

войскъ, и воздерживался обратиться къ кому либо съ такими вопросами, изъ опасенія возбудить улегавшуюся раздражительность князя.

Въ 4 часа пополудни, того же 4-го октября, я получилъ предписаніе, которымъ назначался начальникомъ штаба къ командующему войсками въ Севастополѣ. Немедленно я отправился къ князю, чтобы откланяться, при чемъ получилъ отъ него наставленіе: согласовать отношенія сухопутнаго и морскаго вѣдомства, и, по возможности, не задѣвать щекотливости моряковъ, такъ какъ всѣ средства обороны заключаются въ ихъ учрежденіяхъ.

Того же 4-го октября, князь Меншиковъ писалъ Корнилову.

— „Ко мнѣ прибылъ полковникъ Поповъ генеральнаго штаба, почитаемый васьма дѣльнымъ офицеромъ и на лучшемъ въ Петербургѣ счету. Я полагаю назначить его начальникомъ штаба къ командующему войсками въ Севастополѣ, такъ какъ по управленію ими безпрестанно оказываются недопуски и недоразумѣнія, и, наконецъ, потому, что при генералъ-лейтенантѣ Моллерѣ нѣтъ офицера генеральнаго штаба. Я пришлю его къ вамъ“.

Въ тотъ же вечеръ я прибылъ въ Севастополь и явился какъ къ генералъ-лейтенанту Моллеру, такъ и къ генералъ-адъютанту Корнилову, а 30-го сентября послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи князя Меншикова главнокомандующимъ, а меня—исправляющимъ должность начальника штаба военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, въ Крыму находящихся. Но, по отношенію ко мнѣ, высочайшій приказъ этотъ остался мертвою буквою, такъ какъ о назначеніи моемъ князь Меншиковъ не объявилъ по арміи, и даже мнѣ не сообщилъ объ этомъ....

Въ свое время я самъ жаждалъ выясненія тяжелаго и горестнаго для меня эпизода моей жизни въ Крымской арміи, жаждалъ потому, что онъ былъ въ прямой связи съ ходомъ событій. Я и теперь радуюсь возврату на давнопрошедшее, единственно для возстановленія истины.

Изъ сдѣланной мною выписки изъ моего дневника, доказательно видно:

1) Что пріѣздъ мой въ Крымскую армію не былъ не только неожиданнымъ, но былъ слѣдствіемъ желанія и настоятельной просьбы самого князя Меншикова.

2) Что первое мое свиданіе съ княземъ продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и все время въ присутствіи князя Радзивила,—поэтому весь разсказъ А. А. Панаева не совсѣмъ согласенъ съ истиною. Не говорю уже о тонѣ разсказа, который могъ бы быть нѣсколько вѣжливѣе. Чтò князь Радзивилъ сообщилъ кн. Меншикову, оставшись съ нимъ одинъ на одинъ, или чтò заключала въ себѣ приве-

зенная нами князю переписка?—это мнѣ совершенно неизвѣстно; но что князь Меншиковъ, именно въ это время, получилъ извѣщенія, возмутившія его самолюбіе и сдѣлавшія мое пребываніе въ арміи для него не выносимымъ, это было ясно изъ первыхъ словъ его ко мнѣ, при встрѣчѣ нашей на другой день; кого желаютъ и просятъ, тому не говорятъ: „вы мнѣ не нужны". Повода къ этому я не только не подалъ, но и не могъ подать; поэтому не князь Меншиковъ „былъ пораженъ", какъ излагаетъ А. А. Панаевъ, но я былъ и пораженъ и глубоко оскорбленъ княземъ.

3) Что я зналъ князя Меншикова гораздо прежде свиданія съ нимъ на Бельбекѣ, зналъ участіе его въ сухопутныхъ дѣлахъ въ Турецкую войну, зналъ его глубокую эрудицію въ военномъ дѣлѣ, изъ продолжительной бесѣды съ нимъ въ 1844 году; поэтому указаніе А. А. Панаева, что я зналъ про князя, „только то, что онъ адмиралъ—стало, на сушѣ ничего не смыслитъ", а тѣмъ болѣе мои мысли и выводы на этомъ основаніи, которыхъ я ни г. Панаеву, ни кому-либо другому никогда не передавалъ—составляютъ вполнѣ произвольное измышленіе автора разсказовъ.

Наконецъ—4) Что я оставался въ штабъ-квартирѣ арміи не на одинъ только ночлегъ, какъ говоритъ г. Панаевъ, но трое сутокъ, въ теченіе которыхъ князь Меншиковъ, можно сказать, испытывалъ мой взглядъ на положеніе дѣлъ. Онъ боролся самъ съ собою, не рѣшаясь какъ поступить со мною; но самолюбіе его взяло верхъ надъ дѣломъ—въ чемъ едва-ли кто обвинитъ меня.

А. Е. Поповъ.

Г. Вильна.